

ЭФИОПИЯ: ЗАСТОЙ ИЛИ СТАБИЛЬНОСТЬ?

С.В. МЕЗЕНЦЕВ
Кандидат военных наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: Эфиопия, государственное строительство, парламентские выборы, этнический федерализм, система самоуправления, межконфессиональные отношения

24 мая с.г. в Эфиопии состоялись очередные выборы в парламент страны. С учетом того, что по конституции это африканское государство является парламентской республикой, важность данного события трудно переоценить. В очередной, уже третий раз подряд победу одержала правящая партия Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН)¹.

В каком политическом и экономическом состоянии вступает Эфиопия в очередной пятилетний этап своего развития, и какой она подойдет к очередным выборам 2020 года? Прогнозы в политике, да еще на столь длительную перспективу, как правило, дело неблагодарное, но все-таки хотелось бы поближе присмотреться к этой самобытной африканской державе и, может быть, выделить какие-то характерные детали ее развития. Итак, что же все-таки преобладает в сегодняшней жизни эфиопского общества - явления политико-социального застоя или динамика стабильного развития?

Эфиопия во все времена вызвала искреннее любопытство у окружающего мира, поражая и удивляя своеобразием как в историческом, так и культурологическом плане. «Одной из удивительных странностей истории» назвал эту страну известный британский историк Арнольд Тойнби. Выдающийся отечественный историк и географ Л.Н.Гумилев полагал ее «страной совершенно сумасшедшей». Авторитетный историк-эфиопист профессор Ричард Гринфилд, описывая чарующую природную красоту страны, многообразие ее ландшафтов и климатических зон, называл ее «африканской Швейцарией» и сравнивал с горным Тибетом².

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-07-00026 «Определяющие факторы реализации целей развития Африки в XXI веке».

Эфиопия - это, действительно, страна ярких контрастов. Древнейшая цивилизация, стоящая на стыке разных религиозных традиций и впитавшая в себя многое и от многих. Иудаизм, христианство, ислам: каждая из этих великих религий внесла свой более нигде неповторимый вклад в формирование эфиопской культурной традиции, ее государственности и столь пестрого по этническому и языковому составу народонаселения³.

Таинственно рожденная на грани многообразных контактов с древними культурами Ближнего Востока, Эфиопия, тем не менее, сохранила и самобытную африканскую культуру. Став неотъемлемой частью христианской цивилизации в самом начале ее зарождения, она одновременно словно пряталась от нее за высокими стенами исламского мира. Тайны непрерывности существования Эфиопии с библейских времен до наших дней и загадка ее непреклонного противостояния различным историческим факторам способствовали созданию вокруг этой страны мистического ореола. Несмотря на многократное превосходство враждебных сил, она не пала перед исламскими нашествиями. Не покорилась она и западным миссионерам, которые неоднократно, но тщетно пытались заново реформировать эфиопское христианство.

Что во многом удивительно, Эфиопия - одна из немногих

стран континента, которая не капитулировала европейским колонизаторам, и оставалась независимой практически на всем протяжении своей многовековой истории⁴.

Не претендуя, ввиду ограниченности объема, на исключительную глубину раскрытия, автор в данной статье предпринимает попытку хотя бы в самом общем виде показать современную Эфиопию. Интересно понять, в чем сила и слабость ее культурной самобытности и неординарности? Не является ли преданность вековым культурно-религиозным традициям признаком застоя национальной (эфиопской) государственности? Или, напротив, особенности исторического развития обеспечивают стабильность внутривнутриполитического положения страны, создавая необходимые и достаточные условия для развития экономики и совершенствования политической системы страны в среднесрочной и более отдаленной перспективе?

Прикладное значение анализа обозначенных вопросов, с нашей точки зрения, определяется, в т.ч., географической близостью Эфиопии к региону Северной Африки, страны которого продолжают испытывать крайне противоречивые последствия политического процесса, получившего известность под термином «арабская весна». В данном контексте нам было, безусловно, интересно попытаться сформулировать прогнозную оценку того, насколько «революционные сценарии» арабской Африки могут найти реализацию и развитие в соседних государствах южнее Сахары.

В силу того, что понимание сегодняшнего дня любой страны исключено без оценки основных вех и этапов ее исторического

развития, начнем с краткого исторического экскурса.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Эфиопское нагорье находится в центре предполагаемой зоны формирования эфиопоидного антропологического типа, кушитских языков и одного из наиболее своеобразных и древних очагов земледелия в Африке. В VI-V вв. до н.э. на северных территориях современной Эфиопии (плато Тигре) поселились выходцы из различных областей южной Аравии, в т.ч. Сабейского царства. Они принесли с собой письменность, семитский язык, древнесемитскую политеистическую религию, технику каменного строительства способом сухой кладки.

Несколько последующих веков длился период становления эфиопской государственности. Период феодальной раздробленности и упадка эфиопских княжеств сменился этапом укрепления центральной власти и собирания эфиопских земель в период прихода к власти нового сильного правителя Касса Хайлю, прославившегося под именем императора Теводроса II (период правления 1855-1868 гг.). Несмотря на успешное начинание, его амбициям создать единое и могущественное государство не суждено было сбыться. 13 лет пребывания на троне - слишком короткий срок для политической централизации страны, долгое время пребывавшей в состоянии феодальной раздробленности⁵. Погиб император 10 апреля 1868 г., как воин, предпочтя смерть от собственной руки позору сдачи в плен солдатам британского экспедиционного корпуса⁶.

Затем были новые императоры, новые поражения и новые победы. В ряду выдающихся правителей Эфиопии можно выделить талантливого политика и полководца Сахле Мариаму, оставившего заметный след в истории под именем Менелика II. Он правил страной в период с 1889 г. вплоть до своей кончины в 1913 г. и много сделал для укрепления эфиопской государствен-

ности. Одной из его многочисленных заслуг стало основание на территории центральной провинции Шоа новой столицы государства - Аддис-Абебы (в переводе с амхарского языка - Новый Цветок).

Сложный и противоречивый ход исторического формирования эфиопской государственности, в конечном итоге, оказал серьезное влияние на содержание и особенности культурного развития, политической традиции и государственного управления. Отсутствие колониального прошлого, в свою очередь, также оказало сильное воздействие на формирование эфиопского самосознания как исключительного африканского народа. Древнейшие уникальные памятники - материальные свидетельства существовавшей на эфиопской земле на границе IX-XI вв. высокоразвитой цивилизации (Аксумская стела, высеченный в неприступных скалах по образу и подобию Иерусалима храмовый комплекс Лалибела*, в котором искусно скопированы многие уникальные реликвии мирового религиозно-культурного значения, находящиеся в стране первых списков древнейших первоисточников христианской традиции, созданных на древнеэфиопском языке геэз, и многое другое) дали эфиопам самоощущение культурной и религиозной исключительности.

Все отмеченные особенности сформировали сложный и труднообъяснимый извне феномен эфиопского национального характера. Одной из его черт является крайне обостренное, часто избыточное чувство гордости и собственного достоинства, которое особенно присуще представителям эфиопской элиты. По замечанию многих европейских исследователей и путешественников, в т.ч. и отечественных, эфиопская гордость иногда граничит со скрытой надменностью и чувством превосходства⁷.

* Названия мест в комплексе Лалибела и вокруг него - река Иордан, Оливковая гора, могила Адама и церковь Голгофы - предназначались для того, чтобы увековечить христианскую легитимацию правителей этой земли.

Наряду с этим, бедность и суровые условия реального, не мифологического или исторического бытия большинства простого народа Эфиопии воспитали в эфиопском характере хитрость и приспособленчество. Здесь можно назвать почти всегда уважительное и безропотное, а часто и раболепное отношение к власти имущим и верховной власти в целом. Во многом, это результат идеологического воздействия церкви, всегда и при всех режимах стоявшей на защите государственных устоев, основой которых веками была императорская власть во главе с помазанником Божьим. Как совершенно справедливо отмечал известный российский историк-эфиопист Г.В.Цыпкин: «В ограниченном традиционном мире, куда редко доходили слухи о событиях извне (речь идет об эфиопской сельской глубинке), духовенство полностью владело душами крестьян. В руках церкви было и такое грозное оружие для глубоко религиозного эфиопа, как отлучение»⁸.

Следует подчеркнуть, что вплоть до наших дней большая часть населения - истинно верующие и воспитываются в христианской традиции послушания, непротивления и подчинения власти. По нашим наблюдениям, эфиопская религиозная традиция очень суровая.

Посты и религиозные праздники требуют полной самоотдачи. Духовенство, особенно монахи, как правило, пример полного самоотречения от мирского излишества буквально во всем - одежде, пище, традиции. Впрочем, другого выхода для контролируемого развития столь обширной территории, с многонациональным и многоконфессиональным населением более 50 млн в начале прошлого века и более 96 млн⁹ человек сегодня просто не существовало. Веками мировоззрение основной части населения Эфиопии, особенно в сельской местности, формировалось узкими рамками традиционного общества. В нем было принято воспринимать тяготы и лишения своего бедного существо-

вания как извечные и естественные законы жизни. Человек вынужден был приспособиться к ней, и «быть покорным слугой своему господину и добрым христианином»¹⁰.

Конечно, в политическом развитии страны были исключения. Так, уже в новейшей истории страны, в 1974 г. был низложен режим великого императора и талантливый политик Хайле Селассие¹¹. Всего 15 лет спустя - вооруженным путем был свергнут прокоммунистический режим Менгисту Хайле Мариама, который в последние годы правления ассоциировался буквально с фашизмом¹². Но при этом можно констатировать, что народ страны в целом или в подавляющей массе своей не проявлял активности ни в том, ни в другом случае.

Да, были отдельные выступления в столице, в основном традиционно в них принимали участие наиболее политизированные слои населения - это студенты Аддис-Абебского университета, которые очень часто и ранее предпочитали скучным лекциям шумные, опасные и столь по-своему притягательные силой разрушения - уличные беспорядки. Но для того, чтобы эфиопские разночинцы, а главное, крестьянское население провинции (75-85% от всего населения страны)¹³ подхватили и понесли «ветер революционных перемен» по образу «арабских революций», в стране пока нет и в среднесрочной перспективе не может быть социальных предпосылок. Ибо крайний радикализм эфиопского политического меньшинства наткнулся и будет наткаться на богоугодную лояльность властям и гражданскую пассивность.

Во всяком случае, до тех пор, пока не сложатся необходимые и достаточные условия, что может произойти, во-первых, под воздействием извне, во-вторых, при неблагоприятном стечении сразу нескольких факторов, которые смогут перевесить и переломить выверенную и хорошо отстроенную систему, обеспечивающую управляемость и относительную стабильность Эфиопии.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Одной из ключевых основ данной системы является в некотором роде уникальный по своему содержанию принцип, который условно можно было бы обозначить как этнический федерализм.

Изначально политическую основу правящей сегодня в стране коалиции, носящей название Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН), составляет партия Народный фронт освобождения Тиграй (НФОТ), которая базируется в северной тиграйской провинции. Именно НФОТ во главе с бессменным политическим лидером Мелесом Зенауи явился основой движения, выступившего в 1974 г. в открытое вооруженное противостояние с режимом Менгисту Хайле Мариама.

О создании РДФЭН было объявлено лишь в 1991 г., когда боевые формирования НФОТ уже завершали победное стратегическое наступление на столицу Эфиопии. К этому периоду, помимо НФОТ, в состав РДФЭН были включены четыре политические партии, представлявшие интересы других крупных национальностей страны: *оромо*, *амхара* и конфедерации южных народов. В том же 1991 г. коалиция РДФЭН сформировала переходное правительство Эфиопии во главе с Мелесом Зенауи, который оставался бессменным лидером страны вплоть до своей смерти в августе 2012 г.

Новые власти начали процесс коренной трансформации политической системы, положив в его основу два взаимодополняющих элемента. С одной стороны, ставка делалась на выстраивание политического процесса вокруг этнического федерализма, что было принципиально важным для многонациональной Эфиопии. С другой, было принято решение на развитие и всемерное укрепление политических партий, построенных по этническому принципу.

Таким образом, правящая элита ставила перед собой задачу

преодолеть иерархические противоречия между различными этническими группами, которые носили исторический характер. Предпринимаемые, особенно в последние 7-10 лет, политические меры и реформы, в первую очередь, были направлены на изменение доминирующего положения народностей севера (*амхара* и *тиграй*) по отношению к населению восточных районов (преимущественно *оромо*) и этнически разобщенных народностей юга страны. Развитие федеральной системы способствовало преодолению этнических противоречий, в т.ч. за счет предоставления максимально возможных и формально равных прав и свобод всем этническим группам страны.

Построение Эфиопии на принципах этнического федерализма было закреплено правящей партией в конституции 1994 г.¹⁴ Впервые за весь длительный период исторического развития эфиопское государство было децентрализовано, и в его границах было образовано 9 новых регионов, сформированных по этническому принципу. Каждому региону предоставлялись автономные права, вплоть до права на самоопределение. Каждый регион управляется собственной администрацией: от высшего органа - исполкома до самого низшего уровня - «кэбеле» (*амх.* - *kebele*), на задачах и функциях которого остановимся более подробно несколько ниже.

Однако этнофедерализм в чистом виде, без структурно поддерживающих его политических механизмов, был бы слишком опасным для стабильности эфиопской государственности ввиду присущих ему центробежных тенденций. Неоднократно в прошлом и настоящем многие народы, населяющие страну (*оромо*, *сомали*, *эритрейцы*, *тиграйцы* и др.), демонстрировали не только готовность, но и желание строить независимые от Аддис-Абебы национальные государства, в границах территорий своего исконного проживания. Попытки и настроения сепаратизма подавлялись, как правило, военной силой центра. Эритрей-

ский сепаратизм, как хорошо известно, в 1993 г. достиг поставленных целей*.

ПАРТИЙНОЕ ЕДИНОНАЧАЛИЕ

Чтобы нейтрализовать центробежное стремление других народов на самоопределение, наряду с развитием этнического федерализма, важным направлением активной политической деятельности РДФЭН было и остается укрепление партийного единоначалия.

Система строгой партийной иерархии пронизывает весь механизм государственного и регионального управления страной. Фактически, можно говорить, что этнический федерализм - с его центробежными устремлениями - сдерживается вертикально интегрированной партийной системой. Являясь по своей организационной сути центростремительной структурой, РДФЭН, таким образом, обвязывает и скрепляет по всем уровням этнофедеральную систему организации эфиопского государства. Правящая партия представляет собой своеобразную систему сдержек и противовесов.

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени эфиопской партийной системе удается достаточно надежно удерживать и цементировать прочность национальной государственности. Что, безусловно, важно в условиях чрезвычайно сложного этнического и конфессионального состава эфиопской федерации.

В этом же контексте выделим еще одну черту эфиопского общественного уклада, которая способствует поддержанию установленного общественного порядка. Условно назовем ее системой самоуправления или самоконтроля повседневной жизнедеятельности эфиопской общины. С учетом уникальности этой особенности, рассмотрим ее несколько подробнее.

* Эритрея - бывшая северная провинция Эфиопии. Получила независимость в 1993 г. в результате почти 30-летней вооруженной борьбы, которую вел Народный фронт освобождения Эритреи (НФОЭ) сначала против императорского режима Хайле Селассие I, а затем Менгысту Хайле Мариама.

Известно, что большинство режимов в странах Африки до недавнего времени, а некоторые и поныне, обеспечивают стабильность внутривластного положения через силовые структуры (армию и спецслужбы). Лояльность силовиков во многом достигается и поддерживается правящим режимом за счет материальных стимулов и кадровой политики. Командиры и руководители высшего и оперативного ранга назначаются, как правило, из числа преданных по клановому или семейному принципу людей.

Система вертикали власти в Эфиопии испокон века и вплоть до наших дней выстраивается по несколько другим принципам. Надо отметить, что если этнофедерализм, «зацементированный» вокруг партийного стержня, является относительно новым изобретением эфиопской политической элиты, то система, о которой речь пойдет ниже, в том или ином виде, работала почти без сбоев и при императорах, и при «коммунистическом» режиме.

В своем настоящем виде система управления населением или, как она формально называется, «система народного самоуправления», была оформлена еще в 1975 г., вскоре после прихода к власти режима Менгысту Хайле Мариама. Интересно, что после его военного свержения в ходе демонтажа «прокоммунистической системы государственного и идеологического устройства» Эфиопии новые власти поменяли в корне практически все, что досталось им в наследство: начиная от названия государства, до системы его политического устройства и конституции.

«КЭБЕЛЕ» В ЭФИОПИИ СЕГОДНЯ

Неизменной, более того, полностью поддержанной и значительно укрепленной осталась лишь «система народного самоуправления». Низовым (первичным) элементом самоуправления является выборный орган, который на амхарском языке называется «кэбеле». Он не имеет анало-

гов в системах государственного устройства других стран, действует в Эфиопии в каждом районе города, деревне, селе, поселке, любом населенном пункте. Один «кэбеле» объединяет минимум 500 семей, или эквивалент 3500-4000 тыс. жителей. В каждом населенном пункте страны с населением более 2000 человек имеется как минимум одна первичная ячейка. Далее структурно 10-12 первичных органов самоуправления «кэбеле» объединены в т.н. «кэфитенья».

Несмотря на формальную выборность и независимость от власти, по исторической традиции и по своему духу «кэбеле» на практике является подотчетным вышестоящим властям контролёром настроений и чаяний народных масс в самом прямом смысле этого слова. Вертикальные связи первичной ячейки самоуправления с вышестоящими сельскими, муниципальными, городскими, региональными и центральными госорганами не всегда очевидны, но позволяют надежно следить за всем, что происходит в самых низах, своевременно нивелировать негативные настроения, одновременно правильно и идеологически выдержанно информировать народ, тонко работать с его выборщиками.

Кроме этого, через сложную, крайне закрытую систему конспирированных и запутанных косвенных связей с государственным аппаратом активисты «кэбеле» плодотворно сотрудничают с властями и, конечно, спецслужбами. Под предлогом обеспечения безопасности, в т.ч. профилактики и предотвращения террористических угроз, а также контроля криминальной ситуации ведется работа по сбору информации, которая постоянно передается активистами, а также собирается через внедренных штатных и нештатных осведомителей полиции и других спецслужб. Докладываются любые подозрительные моменты, случаи нарушения общественного порядка, криминальные преступления, появление в районе подозрительных или незарегистрированных лиц и т.п. Параллельно ведется

сбор информации о лояльности населения, политически неблагонадежных лицах и оппозиционерах, которые на основе «сигналов» с мест берутся на контроль спецслужб.

В обмен на оказание содействия госорганам активисты «кэбеле» имеют конкретные льготы и определенные полномочия. Например, на уровне руководства «кэбеле» решаются такие важные для эфиопской общины вопросы, как распределение продовольственной помощи, выдача рекомендаций гражданам на получение субсидий по медобслуживанию, начальному образованию и т.п.

В сельской местности от решений и ходатайств первичных ячеек зависит распределение выделяемого минсельхозом семян зерновых культур для посева, удобрений, а также поддержка или отклонение просьб крестьянских и фермерских хозяйств о выдаче банковских кредитов, различных видов социальной помощи.

Другим важным элементом в работе «кэбеле» является осуществление правосудия на уровне т.н. «социальных (народных) судов». Они уполномочены рассматривать и принимать решения по незначительным и социально неопасным правонарушениям или гражданским спорам внутри своей территории. При некоторых «кэбеле» действуют даже местные тюрьмы и имеются свои отряды добровольных помощников полиции.

Понятно, что столь значимые социально-экономические привилегии, распределяемые по линии «кэбеле», имеют для простых граждан, проживающих на его территории, значение, которое трудно переоценить. Анализ льгот и привилегий, распределяемых через первичные ячейки, дает понимание влияния руководителей этих структур.

Как очевидно из приведенного выше обзора функций и полномочий «кэбеле», они востребованы, вполне справляются с поставленными задачами в повседневной жизни, а также крайне полезны в ходе предвыборной работы правящей партии. В целом, можно констатировать, что «система

самоуправления» вполне совершенна, востребована и остается одним из механизмов обеспечения внутривнутриполитической стабильности общества.

ПРОБЛЕМНЫЕ «ТОЧКИ РОСТА НАПРЯЖЕННОСТИ»

Вместе с тем, было бы крайне неправильно переоценивать механизмы, в той или иной степени обеспечивающие стабильность политического и социального развития Эфиопии, и не обращать внимания на проблемные вопросы. Их много, и в последнее время «точки роста напряженности» в эфиопском обществе становятся заметнее и очевиднее.

Прежде всего, в их ряду следует отметить центробежные тенденции, присущие эфиопскому этническому федерализму, встречающие постоянно напряженное и нарастающее противодействие жесткого партийного централизма. На определенном этапе именно действующая сегодня относительно надежная система сдержек в какой-то момент может превратиться из оплота стабильности в дестабилизирующий фактор.

Дело в том, что партийная иерархия, приобретая все более сильное влияние, порой начинает подменять собой органы исполнительной власти, что, конечно же, вызывает недовольство как в среде чиновничьего аппарата, так и в более широких слоях населения. На данном этапе обозначенная негативная тенденция тщательно скрывается и замалчивается.

Вместе с тем, абсолютно централизованная и непрозрачная система принятия наиболее важных решений по ключевым проблемам развития страны, к которой допущен очень ограниченный круг партийных функционеров и личных советников главы правительства, в среднесрочной и более отдаленной перспективе может давать определенные сбои. В современной внутривнутриполитической иерархии подчас даже министры не самостоятельны в выработке наиболее важных решений и вынуждены действовать очень осторожно. Государственные чины,

даже высокого ранга, постоянно оглядываются на партийных руководителей, а также по умолчанию принимают практику неформальных согласований своих решений с группой т.н. «советников при аппарате премьер-министра», приставленных к различным ведомствам.

Другим сложным вопросом внутривнутриполитического развития уже в ближайшее время все более очевидно будет становиться отсутствие в стране реальной многопартийности. Эта проблема взаимосвязана с теми аспектами организации внутривнутриполитического процесса, о которых мы уже говорили выше. РДФЭН, начиная с 1991 г., остается бессменной и безальтернативной правящей партией. И хотя формально она многопартийна, т.к. включает в себя несколько партий, представляющих различные национальности, но ее формальная многопартийность - это все-таки в большей степени этнический федерализм, который, по сути, далек от политического плюрализма.

В сегодняшней Эфиопии не существует сколь-нибудь значимой политической оппозиции. Этот факт вызывает нарастающую критику со стороны практически всех неафриканских внешнеполитических партнеров, за исключением, пожалуй, Китая, который, как всегда, формально остается вне политики и действует исключительно из принципов собственной экономической целесообразности.

Вопрос соотношения демократии и стабильности остается, пожалуй, на сегодня одним из наиболее сложных и болезненных для дальнейшего политического развития не только Эфиопии, но и большинства, за редким исключением, стран Африки в целом.

В экспертной среде имеется мнение о том, что реальная многопартийность и демократия западного образца как сегодня, так и в ближайшем обозримом будущем является неприемлемой для большинства африканских стран. Руководство Эфиопии, а также большинства стран континента ищет свой уникальный путь развития местного общества и реал-

лизует собственную внутривнутриполитическую программу.

Представляется, что этот путь не безошибочен, но его нельзя ни при каких обстоятельствах форсировать. Спешить, а тем более оказывать давление в интересах привития «западных ценностей» и ускорения развития демократического процесса в Эфиопии - это и есть, по сути, одна из наиболее реальных угроз стабильности, причем более опасная, чем отсутствие на данном этапе многопартийности и политической оппозиции.

Мы исходим из того, что механическое перенесение западного парламентаризма на эфиопскую почву, проведение в стране действительно демократических выборов в условиях неразвитости гражданского общества и господства среди подавляющей части населения этнического и кланового самосознания повлекло бы за собой такое обострение этноконфессиональных противоречий, которое могло бы стать губительным для эфиопской государственности. В этих условиях обществу необходим длительный переходный период к демократии, который позволит сформировать достаточно развитое гражданское общество и при помощи государственного регулирования экономики обеспечит устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Рассуждая о факторах риска, следует обозначить еще одну проблему - чрезмерное влияние на происходящие в Эфиопии процессы, в т.ч. экономические, социальные и внутривнутриполитические, со стороны внешних сил. Экономическая статистика свидетельствует, что, несмотря на достаточно высокие на фоне общеафриканских показатели развития, Эфиопия продолжает оставаться во все возрастающей жесткой экономической зависимости от внешнего мира.

Принято считать, что основными донорами национальной экономики являются страны Евросоюза, США и КНР. Однако их участие далеко не пропорционально, и в последние 10 лет отмечается поступательный рост внешнеэкономических отноше-

ний Аддис-Абебы с Пекином. Активизируется сотрудничество также с Индией, Турцией, в последнее время и с Бразилией. Некоторые наблюдатели в начале второго десятилетия нынешнего века говорят даже о возможном кризисе или, по крайней мере, упадке американо-эфиопских отношений.

В какой-то мере такие оценки не лишены оснований. Так, например, премьер-министр страны Хайлемариам Десалень в одном из своих интервью, отмечая, что Эфиопия стремится к сбалансированному развитию отношений как с США, так и с КНР, прямо подчеркивает, что «китайцы, являясь движущей силой мира в экономике, помогают развивающимся странам без каких-либо условий, предоставляя кредитные линии на инфраструктурные проекты». Поэтому, по мнению эфиопского лидера, опора на Китай в инфраструктурном и инвестиционном развитии, получении современных технологий исключительно важна. Хайлемариам Десалень отмечает, что Эфиопия будет стратегически опираться на развитие всесторонних отношений с КНР, Индией и в некоторых областях с Бразилией. Но при этом, говорит он, «мы ничего не имеем против США, наш выбор в пользу Китая - это не идеология, это практические соображения»¹⁵.

Следует отметить, что в последние годы бывший лидер страны Мелес Зенауи неоднократно декларировал намерения и принимал практические меры по снижению зависимости от Китая и диверсификации отношений, в т.ч. и за счет их более активного развития с Россией. Однако, в силу целого ряда обстоятельств, на этом направлении не удалось достичь сколь-нибудь очевидных успехов.

В последнее время, особенно в последние два-три года, тенденция на приоритетное развитие отношений с Пекином приобретает все более очевидный характер. В складывающихся условиях трудно рассчитывать на реальный прорыв в экономических отношениях Эфиопии с Россией. Одной,

пусть и не главной, причиной этого остаются, в т.ч., активные действия прокитайского лобби в среде исполнительского звена эфиопского чиновничьего аппарата, часто саботирующего решения высшего звена, направленные на диверсификацию экономической политики страны.

Согласимся с оценками многих наблюдателей, полагающих, что в последние годы китайское влияние через экономику на политику Эфиопии становится чрезмерным¹⁶. Вместе с тем, фактор китайского влияния нельзя рассматривать упрощенно или односторонне констатировать его негативное содержание. Следует учитывать, что экономическая поддержка со стороны КНР, особенно развитие серьезных инфраструктурных проектов, имеет для страны в целом очень важное значение. Сегодня китайская помощь Эфиопии является подчас безальтернативным вариантом решения стоящих перед государством и правительством серьезных социально-экономических задач. Однако, в конечном итоге, нельзя не признать и тот факт, что китайская экономическая помощь уже сейчас ощутимо превращается для Эфиопии в зависимость.

Что касается внешнеполитического и внешнеэкономического взаимодействия с другим миром, включая США и объединенную Европу, то здесь эфиопское правительство проявляет очевидный прагматизм. Грамотно и выгодно используя собственную региональную позицию («плацдарм» христианства в исламском окружении, надежный партнер по контртеррористической коалиции, активный региональный и африканский миротворец), руководство Эфиопии добивается от Запада весомых экономических дивидендов, а также достаточно грамотно лавирует и добивается снижения уровня давления США и Евросоюза по таким болезненным для эфиопов вопросам, как демократия, права человека и т.п.

В целом, сегодня можно говорить о том, что экономические отношения с Западом носят в большей степени демонстративный

характер и охватывают, в основном, гуманитарно-социальные сферы. В качестве примера здесь можно назвать европейское спонсорство по линии развития миротворческих возможностей Эфиопии, а также некоторых социальных проектов.

Завершая обзор внешнеполитических факторов влияния, отметим региональную нестабильность. Африканский Рог традиционно остается одним из самых конфликтногенных¹⁷. Непрерывно продолжаются внутривластные конфликты в соседних Сомали и Судане, активизация исламских террористов в Кении, в совокупности и при определенных обстоятельствах могут оказать дестабилизирующее давление на внутривластную ситуацию в Эфиопии.

Убедительные примеры народных беспорядков в Северной Африке и на Ближнем Востоке в начале 2011 г., направленные против коррумпированных государственных властей, заставляют эфиопское руководство более тщательно учитывать и преодолевать еще целый ряд негативных сценариев.

В их ряду, прежде всего, т.н. фактор молодежи и активизация политического ислама. В первом случае необходимо решать проблемы занятости и социальной адаптации молодого населения страны, традиционно выступающего движущей силой «революционных перемен». В Эфиопии, как и в ряде других стран, в т.ч. охваченных синдромом «арабской весны», имеет место «так называемый демографический приоритет молодежи - непропорционально большая доля молодого населения, испытывающего трудности культурной и экономической ассимиляции. Революция в коммуникационных технологиях делает этот фактор опасным вдвойне. Образованная, но зачастую безработная и оттого отчаявшаяся и отчужденная молодежь пополняет ряды военизированных группировок... По сути, это демографическая пороховая бочка»¹⁸.

Сегодня эфиопское руководство отчетливо осознает обозначенную проблему. Молодежное

направление является приоритетным в работе как местных «кэбеле», так и властных структур, и партийных органов. Однако «фактор молодежи» остается одним из наиболее потенциально опасных и будет по-прежнему требовать от властей активных и продуманных действий.

«ХРИСТИАНСКИЙ ОСТРОВ В МОРЕ ИСЛАМА»?

Проблемы возрастания и расширения роли в эфиопской общественной жизни политического ислама и гипотетической опасности его скатывания к крайне радикальным формам - другая серьезная дилемма нынешнего этапа развития страны¹⁹.

К сожалению, острые социально-экономические проблемы Эфиопии не были решены под прежними лозунгами христианской монархии и научного социализма с его государственным атеизмом. Они продолжают сохранять свою остроту и в современных условиях, когда руководство страны декларирует свою приверженность либерализму и демократии западного образца. Закономерно, что на фоне дискредитации прежних идей и лозунгов в Эфиопии (особенно в ее южной и восточной части) набирает популярность их альтернатива в виде исламского пути общественного развития.

Хорошо известно, что Эфиопия на протяжении многих столетий играла роль «христианского острова в море ислама». В последние годы ситуация начинает все заметнее меняться. Возрастающее влияние ислама бросается в глаза любому, кто вновь приезжает в страну. Нынешние власти предпочитают не замечать прогрессирующего ослабления позиций эфиопской ортодоксальной церкви. Наглядным проявлением роста влияния ислама является массовое строительство мечетей*.

Особо следует отметить, что большое количество новых мече-

* За период с 2000 г. по наст. вр. только в Аддис-Абебе и ближайших пригородах столицы количество мечетей увеличилось с 8 до 80 (прим. авт.).

тей появилось не только на исторически тяготевших к мусульманской религии юге и востоке Эфиопии, но и в традиционно христианских районах на севере. Постоянный рост численности эфиопских мусульман создает основу для усиления их роли в политической жизни страны и на Африканском Роге в целом. Однако само по себе увеличение численности приверженцев ислама не вызывало бы серьезного беспокойства, ибо Эфиопия всегда была многоконфессиональной страной и исторически славилась религиозной терпимостью. Реальная опасность кроется совсем в другой плоскости.

События самого последнего времени свидетельствуют о том, что мирное сосуществование религий может быть неожиданно и коварно подорвано влиянием извне. Самым последним и веским подтверждением таких опасений явилась очередная бесчеловечная провокация Исламского государства (ИГ), когда 20 апреля с.г. были публично зверски казнены 30 эфиопов-христиан, ранее захваченных боевиками-исламистами в Ливии²⁰. Эта акция вызвала массовый протест в Эфиопии. Возмущение широких слоев эфиопской общественности моментально создало условия для столкновений на религиозной почве в крупных городах страны.

До исламистов, совершивших преступление в другой стране, - не добираться, но возмездие и отмщение необходимо совершить. Этот опасный тезис привел к тому, что наиболее радикально настроенные местные граждане выступили с призывами громить мечети и изгонять со своей земли мусульман. Ситуация обострилась до предела, и только благодаря экстренным и решительным действиям эфиопских властей на сей раз удалось не допустить массовых столкновений на религиозной почве.

Силы федеральной полиции пресекли опасные провокации на самой ранней стадии. Утром 21 апреля премьер-министр страны Хайлемариам Десалень возглавил массовый мирный митинг, в котором только в Аддис-Абебе

приняли участие несколько сотен тысяч человек. Призыв руководства страны, поддержанный высшими иерархами православной и мусульманской церкви, а также лидерами религиозных общин Эфиопии, не поддаваться на провокацию исламистов и не допустить братоубийства был услышан и воспринят населением²¹.

В конце апреля кризис удалось остановить, но надолго ли, и не последует ли новая провокация извне, способная всколыхнуть страну? В стране с населением более 96 млн человек, где христиан и мусульман почти поровну, любое нагнетание религиозной ситуации может иметь непредсказуемые по масштабам последствия.

* * *

Подводя краткие итоги, можно отметить, что в силу исторического и культурно-религиозного развития страны, а также ряда политических факторов, сегодня Эфиопия отличается относительной стабильностью внутривнутриполитического положения. Сбалансированная социальная и экономическая политика эфиопского руководства, формально направленная на

поддержку основных слоев населения, способствует консолидации эфиопского общества.

Прогнозы среднесрочной политической стабильности, благоприятные климатические условия, наличие значительного молодого трудоспособного населения активно привлекают в Эфиопию внешние инвестиционные ресурсы, прежде всего из Китая, Индии, Турции, что обеспечивает относительно высокие, по общеафриканским масштабам, темпы экономического роста. Кроме того, выход китайских государственных компаний на долгосрочные инфраструктурные проекты в Эфиопии также означает более активное подключение Китая к вопросам обеспечения внутривнутриполитической безопасности.

С другой стороны, политическая стабильность и экономическая активность крупных азиатских экономик обеспечивают возврат в Эфиопию значительных финансовых активов, выведенных из страны в США и Европу в условиях политических кризисов (1974 г. - свержение монархии и 1991 г. - свержение Менгисту Хайле Мариам). Возврат на родину эфиопских эмигрантов - ны-

не граждан развитых стран мира обеспечивает дальнейшее развитие эфиопского общества и влечет за собой и внешнеполитическую поддержку влиятельных эфиопских диаспор из США, Германии и Италии.

Вместе с тем, делая акцент на среднесрочном прогнозе внутривнутриполитической стабильности в более отдаленной перспективе, нельзя не учитывать влияния ряда активизирующихся в последнее время негативных тенденций. Так, отмечается пока скрытое, но нарастающее недовольство бессменностью и этнической неоднородностью в пользу выходцев из северной провинции Тиграй политической элитой страны, которая правит страной с 1991 г. Напряженность в обществе вызывают формально однопартийная система и неразвитость гражданского общества. Однако наиболее тревожащими и опасными для дальнейшего развития тенденциями являются факторы внешнего неблагоприятного воздействия, как регионального, так и международного, а также гипотетическая возможность радикализации религиозных отношений между ведущими конфессиями Эфиопии.

¹ Согласно данным, обнародованным Национальным избирательным советом Эфиопии 22 июня, РДФЭН получила все 500 депутатских мандатов. Еще 46 мест в Совете народных представителей (нижняя палата парламента) распределены между национальными партиями, которые являются ближайшими политическими союзниками РДФЭН. Также за РДФЭН и его союзниками закреплено подавляющее большинство (1987 из 2008) мест в региональных законодательных собраниях. См.: <http://www.electionethiopia.org/en/>

² Richard Greenfield. Ethiopia. A New Political History. Pall Mall Press, London, 1965.

³ Более подробно об истории религий в Эфиопии см., например: «Эфиопия. Христианство, Ислам, Иудаизм» / Под ред. проф. Хагай Эрлих. Открытый университет Израиля. 2006.

⁴ Исключением является период с мая 1936 по май 1941 гг., когда страна попала под военную оккупацию фашистской Италии. Император Хайле Селассие покинул Эфиопию и получил убежище в Англии, откуда формально продолжал руководить движением по освобождению страны. 9 мая 1936 г. Италия официально объявила об аннексии Эфиопии. 1 июня король Италии был провозглашен императором, Эфиопия, Эритрея и Итальянское Сомали были объединены в колонию Итальянская Восточная Африка.

В течение всего периода оккупации эфиопские патриоты продолжали оказывать сопротивление. 12 июля 1940 г. Великобритания официально признала Эфиопию своим союзником. Хайле Селассие самолетом прибыл в Судан. 15 января 1941 г. эфиопская армия во главе с императором начала военные действия. Уже 5 мая 1941 г. Хайле Селассие торжественно въехал в освобожденную столицу, а 20 мая 1941 г. капитулировали последние итальянские части. Государственная независимость Эфиопии была восстановлена.

⁵ История Африки в биографиях / Под общей редакцией А. Давидсона. М., 2012. С. 1046.

⁶ Более подробно о биографии императора Теводроса II см.: *Sahle*

Sellassie. "Warrior King". A Biographical Novel. Shama Books. Robot printers. Addis-Ababa. 2013.

⁷ См., например: Булатович А. С войсками Менелика II. М., ИВ АН СССР. 1971; Булатович А. Третье путешествие по Эфиопии. М., 1987.

⁸ Цыткин Г.В. Эфиопия от раздробленности к политической централизации (вторая половина XIX - начало XX в.). М., ГРВЛ, изд-во «Наука». 1980. С. 37.

⁹ <http://worlds-population.com/ru/Ethiopia/>

¹⁰ Там же.

¹¹ История Африки в биографиях... С. 1054.

¹² Там же. С. 928.

¹³ <http://countrymeters.info/ru/Ethiopia>

¹⁴ http://www.eucom.eu/files/dmfile/ethiopian-constitution-1994_en.pdf

¹⁵ http://www.africa-confidential.com/special-report/id/24/Interview_with_Hailemariam_Desalegn

¹⁶ См., например: Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. М., ИАФР РАН. 2008. (Deich T.L. 2008. Afrika v strategii Kitaya) (in Russian)

¹⁷ The Horn of Africa. Intra-State and Inter-State Conflicts and Security. Edited by Redie Bereketgab. The Nordic Africa Institute. 2013. P. 3-5.

¹⁸ Бжезинский Збигнев. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2012. С. 48-49.

¹⁹ Более подробно о роли и влиянии политического ислама см.: Islamism and its Enemies in the Horn of Africa. Alex de Waal editor. Shama Books. Addis-Ababa. Ethiopia. 2004.

²⁰ <http://www.tvc.ru/news/show/id/66478>

²¹ <http://www.worldbulletin.net/news/158203/ethiopians-held-protest-against-isil-killing>